

УДК 94(494).02

**КАЗНЬ ЦЮРИХСКОГО БУРГОМИСТРА ГАНСА ВАЛЬДМАНА
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

© 2018 г.

С.М. Вилкова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vilkovasw@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2018

На материалах, связанных с биографией цюрихского бургомистра Ганса Вальдмана, рассматривается восприятие публичной смертной казни в период позднего Средневековья. Выявляются основные несоответствия обстоятельств казни Вальдмана традиционным моделям отношения к осужденным на смерть преступникам. Особое внимание уделяется метафоре социального тела и роли производных от неё идей в конкретной историко-культурной ситуации.

Ключевые слова: публичная казнь, Ганс Вальдман, средневековое общество, ритуал, символизм, ментальность.

Для каждого исторического периода можно выделить характерные социальные практики, которые наиболее ярко отражают те или иные черты мировоззрения людей и особенности их мышления. Именно к таким сюжетам можно отнести публичные смертные казни, которые были неотъемлемой частью жизни средневекового общества. В данной статье предполагается на примере казни Ганса Вальдмана (1435–1489), бургомистра швейцарского города Цюрих, выявить специфику восприятия процедуры смертной казни обществом, обозначить смысловую нагрузку и символику ритуала публичной расправы над преступником. Высокая степень самостоятельности швейцарских городских сообществ дает хорошую возможность проанализировать публичную смертную казнь в качестве способа регуляции внутренних социально-правовых отношений.

Личность Вальдмана мало знакома российскому читателю, между тем в Швейцарии он является очень заметным историческим персонажем, так как его влияние выходило далеко за пределы Цюриха, а политическая деятельность не ограничивалась только рамками Конфедерации. Ганс Вальдман происходил из довольно зажиточной крестьянской семьи, владевшей в Цюрихе недвижимостью, обучился ремеслам кожевенника и ткача, умел читать и писать. Вальдман успешно проявил себя на военном поприще, он участвовал в ряде локальных конфликтов, став со временем командиром отдельного отряда, заслуги же его во время Бургундских войн оказались столь значительны, что принесли ему рыцарский титул [1, S. 157].

Благодаря успехам на военном поприще, Вальдман смог построить и карьеру админист-

ратора. Сначала он получил должность мелкого чиновника, следившего за порядком на определенной территории города и решавшего соответствующие административные и юридические вопросы. В 1480 г. Вальдман становится одним из трех глав ремесленных корпораций, которые являлись заместителями бургомистра и представляли в городском Совете интересы ремесленников [2, S. LIV]. Всего через два года, в декабре 1482 г., он был выбран бургомистром Цюриха.

На протяжении всего времени, пока он занимал свою должность, Вальдман стремился ограничить власть городского патрициата и усилить полномочия представителей ремесленных цехов в управлении городом, поэтому наиболее знатные и влиятельные горожане искали способ избавиться от него. С другой стороны, заботясь об экономическом развитии города, Вальдман приобрел врагов за его пределами. Одной из мер, настроивших против него сельскую округу Цюриха, было введение монополии горожан на торговлю солью и производство льняных тканей. Противники Вальдмана всячески подогревали недовольство его политикой. В итоге сначала на примыкающих к Цюриху территориях, а затем и в самом городе вспыхнуло восстание. 1 апреля 1489 г. Вальдман был арестован [3, S. 24, 347–350].

Процедура судебного разбирательства длилась меньше недели. Основанием для обвинения послужили крупные денежные выплаты, назначенные Вальдману некоторыми европейскими монархами. Так, эрцгерцог Сигизмунд Австрийский назначил ему ежегодную пенсию в размере 100 гульденов за доблесть в битве при Муртене [1, S. 173]. Получал он и пенсию от французского короля: она была пожалована

Вальдману и другим представителям Конфедерации по итогам их посольства во Францию. В рассматриваемый период практика выплат от иностранных правителей была широко распространена и считалась вполне приемлемой, однако в данном случае она стала поводом для подозрений в политической измене. Вальдмана обвиняли и еще в целом ряде преступлений – убийствах, предоставлении убежища врагам Конфедерации, присвоении чужого имущества и продаже должностей. Основным же стало обвинение в том, что он являлся агентом герцогства Миланского и действовал в интересах противников Конфедерации – Милана и Франции [3, S. 31–35]. Вальдмана несколько дней пытали на дыбе, добиваясь признания вины. Хотя он не согласился с обвинениями, цюрихский суд, воспользовавшись всеобщим недовольством, вынес ему смертный приговор.

Причиной, которая привела Вальдмана на эшафот, было посягательство на сложившуюся социальную иерархию в обществе, – не обладая благородным происхождением, он попал в высший слой городского сообщества и, к тому же, занял ключевую административную должность. Долгое время Вальдмана считали выскочкой и ограничивали доступ к власти. Так, ему не удалось стать членом общества Констафель, объединявшего наиболее родовитых цюрихцев, и поэтому в городской Совет он вошел в качестве представителя ремесленных цехов. Управляя городом, Вальдман неоднократно пытался ограничить могущество городского патрициата.

Дворянское звание Вальдмана было аннулировано, но его казнили, как и аристократов, мечом – за пределами городских стен, на обширном лугу. К месту казни Вальдмана сопровождал отряд из двухсот конвоиров, набранных среди ремесленников [3, S. 356, 443, 510]. Они должны были не только пресечь возможный побег, но и следить за порядком, защищать осужденного от толпы. Зрителей собралось немало: данные исторических источников приблизительны, но речь в них идет о пяти или десяти тысячах человек, а также о присутствии на казни официальных представителей других швейцарских кантонов [3, S. 445].

Согласно сохранившимся свидетельствам, Вальдман умер смертью «доброго христианина», исповедавшись и причастившись. На протяжении всей церемонии его сопровождали священнослужители, в чьи задачи входили поддержка и утешение осужденного, а также проведение всех необходимых религиозных ритуалов. Перед эшафотом Вальдман обратился к присутствующим с речью, в которой попросил прощения у народа и Бога, призвал всех мо-

литься за него и поднять в знак согласия руки, что они и сделали. Затем он прочел положенные в этом случае молитвы, предав себя «воле всемогущего Бога и Пресвятой Девы» [3, S. 356–357, 445, 510]. В заключение он произнес несколько слов палачу, – это была привычная речь, в которой преступник прощал свою смерть непосредственному исполнителю казни. Таким образом, Вальдман выполнил все действия, которые связывались с понятием «благой смерти» и могли поспособствовать спасению его души [4, p. 146]. В целом, очевидцы отмечают мужество Вальдмана. Сообщается также, что многие выражали ему сочувствие, а женщины плакали [3, S. 356].

Средневековье было периодом, когда душевные пороки или дурные наклонности четко связывались с телесным началом [5, p. 26]. Тюремное заточение, физическое наказание и, – как наиболее радикальный его вариант, – смертная казнь представлялись более надежным способом избавления от скверны, нежели возможное исправление преступника. Тело последнего, как доказывал в свое время Мишель Фуко, было главным объектом воздействия в процессе восстановления социального порядка и переутверждения властных полномочий правителя. Присутствовавшим на «спектакле насилия» зрителям отводилась роль верификаторов этой реставрации «нормального положения вещей» и контроля за соблюдением законности.

Вслед за М. Фуко, смертные казни Средневековья часто интерпретируют именно в подобном ключе, сводя их социальную драматизацию исключительно к противостоянию монарха и преступника [6]. Между тем публика подчас могла выступать и со-участницей разыгрывавшегося спектакля насилия, не отстраняя себя от принятия решений относительно судьбы преступника. Об этом свидетельствуют факты освобождения преступника толпой в целом ряде случаев и, в частности, при очевидных сбоях «надлежащего» воздействия на тело (например, если не происходило полного удушения повешенного и по прошествии какого-то времени выяснялось, что он еще жив). Известны и случаи прямого отрицания справедливости смертной казни: тогда толпа могла отобрать осужденного у исполнителей приговора и укрыть в местной церкви, потребовав отмены судебного решения [7, с. 360].

Необходимо отметить, что городские сообщества Швейцарской Конфедерации отличались значительной самостоятельностью. Города проводили экономическую политику, отвечавшую их интересам, вступали в военные союзы, сами создавали альянсы с различными полити-

ческими силами, стремились расширить территорию своего влияния. Высокая степень сплоченности городского сообщества и его относительная самостоятельность во внешнеполитических действиях накладывали отпечаток и на внутривнутриполитическую жизнь города. Очевидно, что наибольшие властные полномочия концентрировались в руках городского патрициата, но остальные горожане не были отстранены от влияния на общегородские дела.

Средневековый ритуал осуждения на смерть и сама смертная казнь, безусловно, определялись стремлением максимально жестко исключить преступника из сообщества, но одновременно могли генерировать сострадание к осужденному, который в случае «достойного» поведения становился по-своему симпатичен публике. Телесные коннотации процедур восстановления социального контроля в данной связи должны восприниматься более сложным образом. Само общество в Средние века или же составлявшие его корпорации рассматривались современниками на манер *единого тела*. Эта метафора не только манифестировалась в теоретических трактатах, но повсеместно проявлялась в повседневной жизни. Общество воспринималось как живой организм, который регулирует свое поведение [8, с. 24; 9]. Здоровье общества зависело от каждого его члена, от выполнения им своих социальных функций и соответствующего этим функциям образа мыслей и действий. Правонарушения в этом случае ассоциировались с болезнями или недугами, требовавшими соответствующего врачебного вмешательства, пусть даже и хирургического (в виде казни преступника) [10, р. 137]. Но подобное восприятие делало возможным и более бережное отношение к больной части тела/корпорации.

Нельзя забывать и о том, что помимо светской власти в процесс «реставрации порядка» были вовлечены и представители церкви, обладавшие собственной исключительной ролью, – именно церковь обеспечивала отправление религиозных ритуалов, необходимых для спасения души. Более того, социальное тело не могло быть жестко отделено от тела религиозного. Преступник как олицетворение общественной скверны должен был понести кару, как член христианской церкви – очистить душу через покаяние. Наказание включало в себя и восстановление душевного «здоровья» на пороге утраты казнимым возможности распоряжаться своим телом. Здесь возникало сложное переплетение смыслов, обусловленное взаимосвязью понятий «преступление», «грех», «недуг» и «болезнь» в сознании средневекового человека.

Обычно после того, как вина преступника считалась установленной, он отделялся от общества, становился изгоем, что проявлялось как через физическую изоляцию в тюрьме, так и символически: преступника переодевали в специальную одежду, которая должна была обозначать вид преступления и определять его маргинальный статус. Парадоксальным образом «возвращение» преступника в общество начиналось уже на этапе пытки, перенесенные в ходе которой физические страдания засчитывались в качестве очищения от грехов и залога будущего воздаяния в загробном мире. Двойственным значением обладало и прослеживаемое на пути к месту казни всеобщее стремление унижить осужденного: «зрителям» разрешалось оскорблять его словами, кидать в него камни и мусор. Этим, с одной стороны, преступник *уничтожался* как индивид и часть социальной группы [11, р. 77–85], но с другой – получал шанс обрести, благодаря моральным и физическим мукам, заступничество со стороны Бога и церкви. Вероятно, случай Вальдмана отчасти вписывался в эти привычные для средневекового менталитета рамки, коль скоро его поведение перед смертью характеризовалось в качестве христианского. Вместе с тем никаких оскорблений в его адрес не звучало, а вооруженный конвой должен был предотвратить возможные бесчинства толпы.

Необычным может показаться соотношение между выбором места для казни Вальдмана и последовавшего захоронения его тела. Традиционно преступников казнили за пределами городских стен, что опять-таки подчеркивало их исключение из сообщества: городские ворота выступали здесь своеобразным рубежом и границей (интересно в этой связи и восприятие профессии палача, которая в Средние века считалась «нечистой» [12, с. 219]). Да и хоронили казненных, как правило, не на общем кладбище, а на специально отведенных участках [7, с. 357–360]. Подчас, однако, – а именно в случаях «благородной» казни через отсечение головы мечом, – эшафот воздвигали в центре города, на главной площади. Преступник, обладавший высоким статусом в силу своего происхождения или занимаемой им должности, не выводился за пределы городского пространства, как будто бы сохраняя свой авторитет и положение в обществе. Казнь Вальдмана, по большому счету, должна была соответствовать этому «благородному» формату. Но казнили его за пределами городских стен. Более того, в день казни городские ворота были закрыты, а горожанам запретили покидать город. Эти решения были предприняты городским Советом для предотвращения

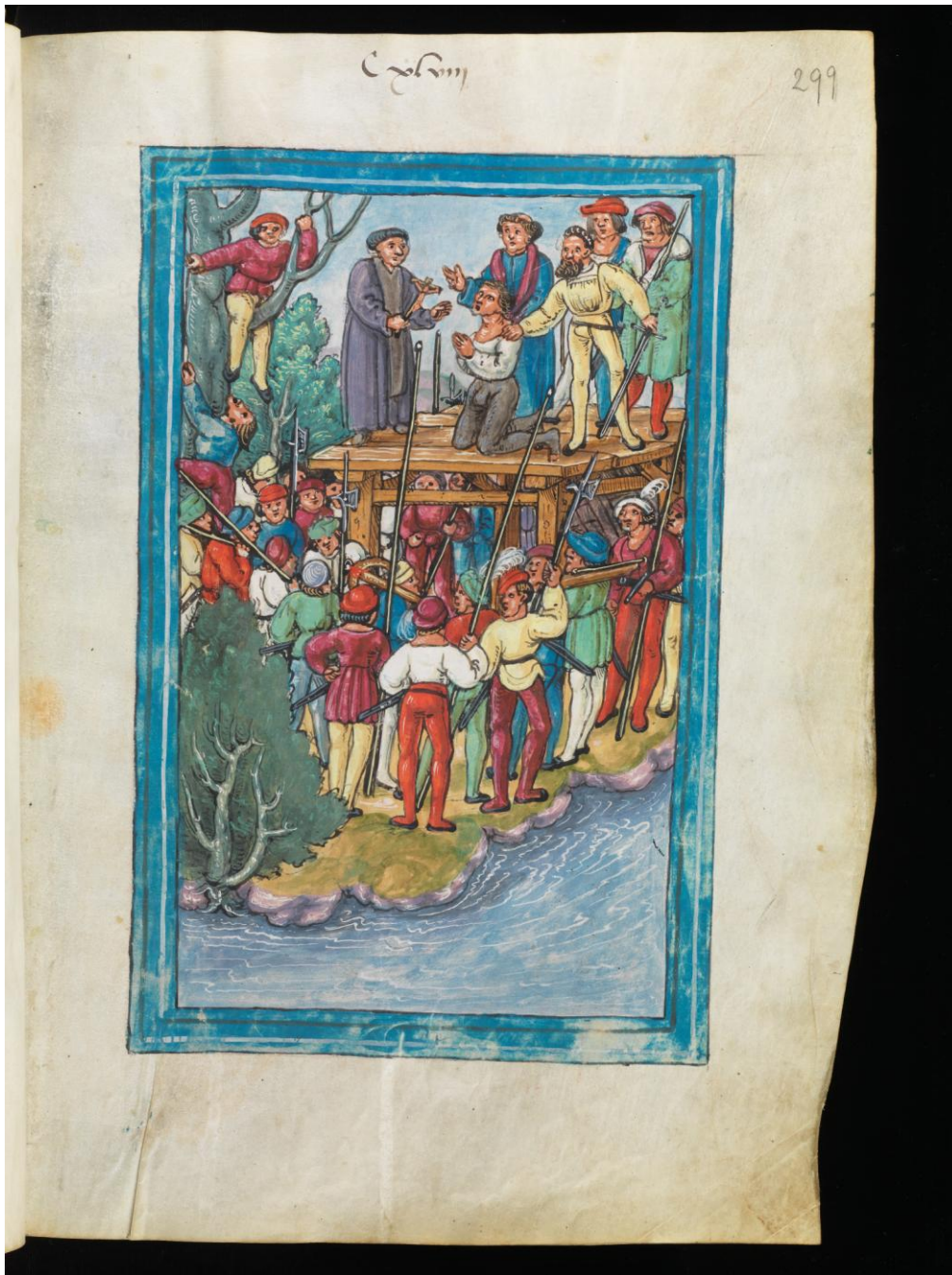

Рис. 1. Изображение казни Ганса Вальдмана в рукописи «Люцернской хроники» Дибольда Шиллинга Младшего

народных волнений [3, S. 356]. Тем не менее эшафот был сооружен так, что жители города могли наблюдать за казнью из-за городских стен. Исключение осужденного из сообщества было намечено, но не реализовано в полной мере.

О том же свидетельствует и место, выбранное для погребения Вальдмана, – его похоронили в аббатстве Фраумюнстер (расположенном в самом городе) на манер умерших аристократов [5, p. 48]. Тело Вальдмана не расчленилось и не подвергалось посмертному осквернению. Цюрихская элита спешила избавиться от бургомис-

тра-высочки, но не собиралась компрометировать занимаемую Вальдманом высокую должность.

Отметим в качестве весьма интересного факта то, сколь различными могли быть репрезентации казни цюрихского бургомистра в иконографической традиции. В самой ранней среди сохранившихся миниатюр (из «Люцернской хроники» Дибольда Шиллинга Младшего, завершенной в 1513 г.) иллюстратор изобразил на эшафоте (рис. 1) не только Вальдмана и палача, но и двух представителей цюрихской администрации, а также двух священников [13,

Рис. 2. Казнь Ганса Вальдмана на миниатюре из «Höngger Bericht»

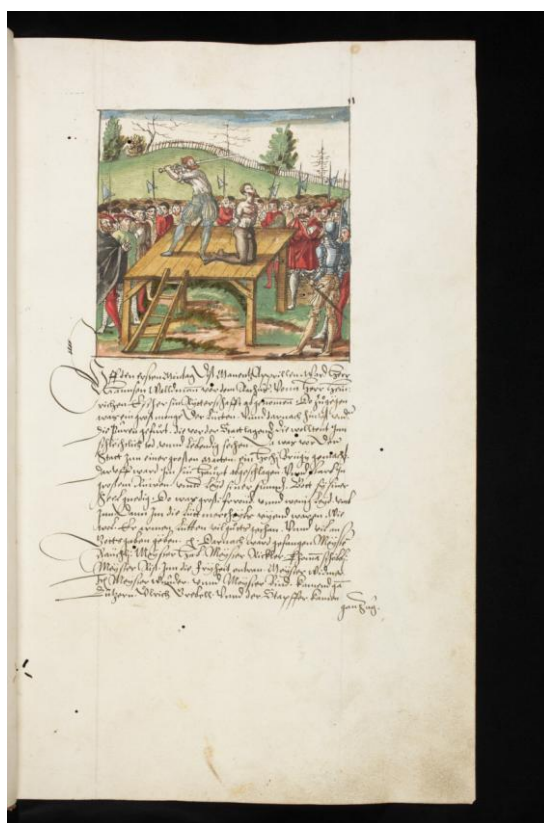

Рис. 3. Казнь Ганса Вальдмана на миниатюре из рукописи «Гельветской хроники» Кристофа Зильберайзена

S. 299]. Их присутствие на эшафоте, по-видимому, должно было подкреплять легитимность расправы над Вальдманом. С другой стороны, оно может указывать и на символическую «многослойность» процедуры наказания-очищения. На миниатюре представлен не момент обезглавливания, а молитва Вальдмана, вставшего на колени перед распятием, которое держит монах (брат Иоганнес Хантель). Палач, изображенный справа от Вальдмана, уже поло-

жил руку на его плечо, тем самым как бы обозначив свою власть над телом приговоренного к смерти. Однако жесты двух священников позволяют акцентировать внимание зрителя на религиозных компонентах – покаянии и молитве Вальдмана.

В двух более поздних изображениях Вальдман представлен на эшафоте только с палачом, уже занесшим меч над головой осужденного бургомистра (рис. 2–3). Одна из этих миниатюр

находится в рукописи т.н. «Höngger Bericht» (включающем сведения о беспорядках, произошедших в Цюрихе весной 1489 года) [3, S. 463–464], другая – в манускрипте, содержащем третью часть «Гельветской хроники» аббата Кристофа Зильберайзена (1572 г.) [14]. На миниатюре из «Höngger Bericht» Вальдман, по сравнению с иллюстрацией «Люцернской хроники», в большей степени унижен и бесправен, – он целиком во власти палача, готового нанести удар. Однако на голове Вальдмана – шляпа, которую можно рассматривать в качестве маркера высокого статуса, его руки свободно поднесены к лицу в молитвенном жесте. Очевидно, что Вальдман обращается к Богу, и к Богу же возносят молитвы окружившие эшафот люди. Этот акцент на солидаризации публики с казнимым позволяет взглянуть на казнь как на ритуал примирения преступника и городского сообщества, нормами которого он некогда пренебрег.

На миниатюре из «Гельветской хроники» Зильберайзена Вальдман стоит на коленях со связанными за спиной руками: он лишен возможности воспроизвести молитвенный жест. Верхняя часть его натальной рубахи разорвана, половина торса обнажена. Перед нами – подлинный объект приложения карательной силы, покорное тело за миг до реализации акта насилия, преступник, отчуждаемый от общины несмотря на «благородный» характер казни. Очевидно, подобная трактовка темы публичной казни ближе к модели, очерченной Мишелем Фуко, – в отличие от более ранних репрезентаций и реальных обстоятельств смерти Вальдмана весной 1489 г.

Список литературы

1. Gerold Edlibach's Chronic. Verlag Meyer und Zeller, 1847. S. 279. Режим доступа: <http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10361717-6> (дата обращения: 02.08.2018).
2. Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 1: Hans Waldmann und die Eidgenossenschaft des 15. Jahrhunderts. Akten, bis zum Auflauf von 1489 / Hrsg. Ernst Gagliardi. Basel.: Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1911. 676 S.
3. Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489/ Hrsg. Ernst Gagliardi. Basel.: Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913. 673 S.
4. Merback B.M. The Thief, the Cross and the Wheel. Pain and the Spectacle of Punishment in Medieval and Renaissance Europe. London: Reaktion Books, 1999. 352 p.
5. Westerhof M. Danielle Aristocratic Execution and Burials in England c. 1150–1330. Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy (PhD) University of York. Centre for Medieval Studies, 2004. 379 p.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.
7. Тогоева О.И. Казнь в средневековом городе: зрелище и судебный ритуал // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 2000. С. 353–361.
8. Эксле Г. Действительность и знание. Очерки социальной истории Средневековья. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 360 с.
9. Westerhof M. Danielle Amputating the Traitor: Healing the Social Body in Public Executions for Treason in Late Medieval England // The Ends of the Body: Identity and Community in Medieval Culture / Ed. Susanne Conklin Akbari, Jill Ross. Toronto: University of Toronto Press, 2013. P. 177–192.
10. Davis J. Spectacular death: capital punishment in medieval English towns // Death in medieval Europe: Death Scripted and Choreographed / Ed. Joëlle Rollo-Koster. London: Routledge, 2017. P. 130–148.
11. Cohen E. The Crossroads of Justice. Law and Culture in Late Medieval France. Leiden: E.J. Brill. 231 p.
12. Кайуа Р. Социология палача // Р. Кайуа. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. С. 207–213.
13. Illustrated Chronicle by Diebold Schilling of Luzerne (Lucerner Schilling). Luzern, Korporation Luzern [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-codices.unifr.ch/en/list/one/kol/S0023-2> (дата обращения: 26.02.2018).
14. Silbereisen: Chronicon Helvetiae, Partl III. Aarau, Aargauer Kantonsbibliothek. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-codices.unifr.ch/en/list/one/kba/0016-3> (дата обращения 26.02.2018).

EXECUTION OF ZURICH BURGOMASTER HANS WALDMANN IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND POLITICAL LIFE OF LATE MIDDLE AGES

S.M. Vilkova

Using the materials related to the biography of the Zurich burgomaster Hans Waldmann, we consider the perception of the public death penalty in the late Middle Ages. The main discrepancies between the circumstances of Waldmann's execution and traditional patterns of attitude towards the convicts sentenced to death are revealed. Particular attention is given to the metaphor of the social body and the role of ideas derived from this metaphor in a specific historical and cultural situation.

Keywords: death penalty, Hans Waldmann, medieval society, rituals, symbolism, mentality.

References

1. Gerold Edlibach's Chronic. Verlag Meyer und Zeller, 1847. S. 279. Rezhim dostupa: <http://www.mdz-nbn-resolving.de/urn/resolver.pl?urn=urn:nbn:de:bvb:12-bsb10361717-6> (data obrashcheniya: 02.08.2018).
2. Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 1: Hans Waldmann und die Eidgenossenschaft des 15. Jahrhunderts. Akten, bis zum Auf-
lauf von 1489 / Hrsg. Ernst Gagliardi. Basel.: Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1911. 676 S.
3. Dokumente zur Geschichte des Bürgermeisters Hans Waldmann. Band 2: Aktenstücke und Berichte über den Anlauf von 1489/ Hrsg. Ernst Gagliardi. Basel.: Basler Buch- und Antiquariatshandlung, 1913. 673 S.
4. Merback B.M. The Thief, the Cross and the Wheel. Pain and the Spectacle of Punishment in Medieval and Renaissance Europe. London: Reaktion Books, 1999. 352 p.
5. Westerhof M. Danielle Aristocratic Execution and Burials in England c. 1150–1330. Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy (PhD) University of York. Centre for Medieval Studies, 2004. 379 p.
6. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M.: Ad Marginem, 1999. 479 s.
7. Togoeva O.I. Kazn' v srednevekovom gorode: zrelishe i sudebnyj ritual // Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy / Otv. red. A.A. Svanidze. M.: Nauka, 2000. S. 353–361.
8. Ehksle G. Dejstvitel'nost' i znanie. Ocherki social'noj istorii Srednevekov'ya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 360 s.
9. Westerhof M. Danielle Amputating the Traitor: Healing the Social Body in Public Executions for Treason in Late Medieval England // The Ends of the Body: Identity and Community in Medieval Culture / Ed. Susanne Conklin Akbari, Jill Ross. Toronto: University of Toronto Press, 2013. P. 177–192.
10. Davis J. Spectacular death: capital punishment in medieval English towns // Death in medieval Europe: Death Scripted and Choreographed / Ed. Joëlle Rollock. London: Routledge, 2017. P. 130–148.
11. Cohen E. The Crossroads of Justice. Law and Culture in Late Medieval France. Leiden: E.J. Brill. 231 p.
12. Kajua R. Sociologiya palacha // R. Kajua. Iгры i lyudi. Stat'i i ehse po sociologii kul'tury. M.: OGI, 2007. S. 207–213.
13. Illustrated Chronicle by Diebold Schilling of Luzerne (Lucerner Schilling). Luzern, Korporation Luzern [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.e-codices.unifr.ch/en/list/one/kol/S0023-2> (data obrashcheniya: 26.02.2018).
14. Silbereisen: Chronicon Helvetiae, Partl III. Aarau, Aargauer Kantonsbibliothek. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.e-codices.unifr.ch/en/list/one/kba/0016-3> (data obrashcheniya 26.02.2018).